

СЕРГЕЙ ТАРМАШЕВ

КАЖДОМУ СВОЁ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сто десятый день после всемирной катастрофы, радиоактивные пустоши, 500 километров от «Подземстроя-1», 01.50, время московское.

Повисший за иллюминатором пылевой мрак был практически непроницаем, и Антон едва улавливал где-то впереди слабый мутный отсвет ходовых прожекторов. Колонна больше часа ползает кругами по бесконечной пустоши из черного снега в поисках входа в бункер, из которого в своё время выползла военная хунта Брилёва. До стандартного начала интоксикации оставалось сорок минут, и с каждым пройденным километром тревога в душе Овечкина становилась всё сильнее. Радиоактивная свалка, погребенная под метровым слоем зольного снега, четыре месяца назад являлась окраинами Звездного Городка, по которому было нанесено несколько мощных ядерных ударов. Здесь каждый сантиметр пространства пронизан смертельной радиацией в прямом смысле этого понятия, и с каждой неделей ее уровень растет, потому что ураганы приносят еще больше радиоактивной пыли из того, что раньше было Москвой.

Встроенный в ставший ненавистным устаревший скафандр МЧС счетчик Гейгера показывал уровень радиации в восемьсот рентген в час, и это внутри вездехода, имеющего антирадиационную защиту! Что творится за бортом, Антон мог только гадать, потому что едва колонна останавливалась для проверки местности, и военные выходили наружу, фон мгновенно зашкаливал, и показания дозиметра застывали на леденящей душу отметке в девятьсот девяносто девять рентген в час. Овечкин не винил того, кто проектировал скафандр, за трехзначность дисплея счетчика Гейгера. Тот человек явно не был военным и потому даже представить не мог, что кто-то может оказаться в условиях зашкаливающей радиации в столь слабой защите, совершенно не предназначенной для этого. Но самому Антону от этого не легче. Пока люк вездехода открыт, ему приходится облучаться, и пропавшее после лечения першение в легких вновь дало о себе знать. Сухой полусудорожный кашель вернулся, и хотя напал он пока еще редко, Овечкин вновь испытывал вполне обоснованный страх за собственное здоровье.

А тут еще эти идиотские поиски уничтоженного бункера! За прошедший час колонна останавливалась трижды, каждый раз Порфирьев вместе с солдатами выходил наружу, и они несколько минут копались в черном снегу, исчезая в нем по пояс и на каждом шагу спотыкаясь в погребенных под ним обугленных обломках. Обнаружить вход в бункер не удавалось, и колонна двигалась дальше, до следующей остановки. Не приходилось сомневаться, что поиски военными ведутся по большей части наугад. Но это их совершенно не смущает. Антирадиационная защита у военных гораздо лучше, но в таких реалиях это всё равно не спасет, и безмозглое пренебрежение вояками

собственной безопасностью лишний раз доказывает правоту Антона: все военные полностью деревянные. Особенно мозг. Он не спорит – солярка «Центру» нужна, её наличие серьёзно облегчит решение вопросов наземного строительства, но не любой же ценой! Мёртвым не нужны ни внешние ангары, ни внутренние биофермы!

Колонна вновь остановилась, и в заполненном помехами эфире зашипел капитанский рык:

- Десанту к машине! Моя подгруппа ищет левее десять! Хам, ты работаешь правее пять! Ищем десять минут и по машинам!

Облаченные в экзокорсеты военные распахнули люк и полезли наружу, неуклюже переступая через лежащего на полу пленного. Тот до сих пор не пришел в сознание, и Антон серьёзно опасался, что пленный сделает это после того, как всех скрутит интоксикацией. Если всё произойдет именно так, то враг может воспользоваться беспомощностью страдающих людей и убить кого-нибудь, или даже всех, если ему удастся развязаться. Спрашивается, чем думал Порфирьев, когда вкалывал пленному столь сильный транквилизатор, даже не поинтересовавшись наличием антидота от оногo? Ответ прост: ничем! Нацик-мизантроп не обременял себя столь далеко идущими перспективами. Зачем? Главное, что он может использовать своё физическое превосходство над кем-то прямо здесь и сейчас, а остальное неважно. Наверняка и поиски уничтоженного бункера буратины в погонах ведут по точно такому же принципу: они могут копошиться в радиоактивной грязи прямо сейчас, так почему бы нет? А что будет потом – потом и будем разбираться.

Особенно раздражало то, что эта безмозглая решимость оказалась заразной. Грузчики-добровольцы, являющиеся гражданскими людьми, должны, по идее, иметь больше мозгов по определению. Но и они верили в абсолютную непогрешимость парочки Порфирьев-Снегирёва, пребывая в полнейшей убежденности, что если Варяг решил копать в ледяной радиоактивной грязи, значит, это априори безошибочно, а от остального их излечит Снежная Королева. Они оба-де знают, что делают, и с ними не пропадёшь. Овечкин тяжело вздохнул. Если одна интоксикация, проведенная в мучениях среди заблёванной спецпалатки, ничему людей не научила, то это их проблемы. Но это не значит, что он, инженер-механик, редчайший специалист, должен страдать вместе со всем безмозглым стадом! Он должен любой ценой перестать ходить в экспедиции, пока всё не завершилось гибелью! Но из-за этих идиотских ФСБ-шников, захвативших склады, всё усложнилось еще сильнее!

А тут еще эта дурацкая солярка! Если вход в уничтоженный бункер удастся найти, можно лишь гадать, чем всё это обернётся. Воякам наверняка захочется послать внутрь Овечкина, и он запросто может не вернуться оттуда живым! Кто знает, что творится внутри брилёвского логова сейчас? В любом случае – ничего хорошего. Бункер был уничтожен ядерным ударом, глупо ожидать, что условия в том, что от него осталось, будут выгодно отличаться от условий в любом другом эпицентре термоядерного взрыва. Остаётся надеяться, что Порфирьев не сможет отыскать вход, раз не нашел его сразу. Мега-мозги Миронова утверждали, что фиксировали маршрут от КП-дублера до «Подземстроя-1», но, судя по текущим реалиям, какие-то ошибки ими всё-таки были допущены, раз асоциальный брутал до сих пор не смог разыскать бункер.

Это радовало Антона вдвойне: во-первых, не придется лезть в очаг смертельной опасности. Во-вторых, супер-пупер-вундеркинды Миронова всё-таки облажались. Они, конечно, будут это отрицать, приведут надуманные, зато эффектные отговорки, но он-то знает, как всё обстоит на самом деле! Овечкин скосил глаза на хронометр. Сорок минут до интоксикации. Это последняя попытка поиска. Еще пара минут, и военные вернутся ни с чем. После этого времени останется лишь на то, чтобы найти место для базы подальше отсюда и развернуть спецпалатку.

- Хам, что у тебя? – рычание Порфирьева было едва слышно в густых помехах, видимо асоциальный капитан увлёкся поисками и отошел довольно далеко от вездехода.

- Ничего! – Ответ лейтенанта прозвучал столь же невнятно, и Антон понял, что проблема не в расстоянии, а в увеличившемся уровне и без того запредельной радиации. Слишком высокая ионизация местности затрудняет радиосвязь.

- Сворачиваемся! – приказал Порфирьев. – Пора искать место для базы. Всем к машине!

Лейтенант подтвердил приём, и Антон невольно расслабился. Хотя бы с этим повезло.

- Опять не нашли, - негромко произнес кто-то из грузчиков опечаленным тоном. – Хреново. Нам нужна эта солярка, особенно сейчас, когда вероятный противник занял склады с продовольствием.

- Какая между этим связь? – Овечкин с трудом скрыл иронию.

- Имея солярку, мы могли бы реанимировать БМП, которые стоят возле Центра, и выбить ФСБ-шников из Росрезерва, - объяснил тот. – Я слышал, как военные обсуждали это между собой.

- Вы уверены? – Антон опешил. – Насколько я знаю, у тех боевых машин нет снарядов. Они бесполезны. Тем более, что противник имеет Лазерную Самоходную Установку. Это очень мощное оружие, если они используют ее против БМП, у последних нет шансов!

- Знаю, - подтвердил грузчик. – Но, насколько я понял, военные не собирались вступать в бой без снарядов. Они планируют выманить ЛСУ в пустоши, противник ведь не в курсе, что нашим БМП нечем стрелять. Пока ЛСУ будет преследовать БМП, мы сможем напасть на склады и отбить их.

- Хорошая идея, - одобрил кто-то еще. – Контролируя запасы продовольствия мы можем диктовать условия. А ЛСУ можно заманить в волчью яму, например. Когда она будет возвращаться! Радиосвязь у них пропадет быстро, они даже не узнают, что мы захватили склады!

Добровольцы принялись обсуждать план военных, и похолодевший Овечкин с трудом перевел дух. Так вот оно что! Вояки собираются использовать БМП! Значит, от поисков уничтоженного бункера с соляркой они не откажутся в любом случае, и экспедиция в эпицентр подземного ядерного взрыва неминуема. И пошлют туда, конечно же, его, Антона Овечкина! От осознания нависшей смертельной угрозы невольно сперло дыхание, это немедленно отозвалось приступом першения в лёгких, и Антон закашлялся. Неужели Порфирьев вместе с остальными вояками планирует искать уничтоженный бункер на следующем цикле антирада, вместо того, чтобы

возвращаться в Центр? Наверняка так и есть! Смысл возвращаться туда с пустыми руками! Теперь, когда Росрезерв захвачен ФСБ-шниками, с точки зрения вояк иного способа разрешить конфликт, кроме кровопролития, не осталось! И он, Овечкин, рискует погибнуть в поисках этой идиотской солярки!

Громкий крик в ближнем эфире прорвался через пелену помех, заставляя вздрогнуть всех сидящих внутри вездехода. В эфире зазвучали плохо различимые голоса военных, и грузчики испуганно приникли к иллюминаторам.

- Что случилось? – Антон едва сдерживал охватывающую его панику. – Что вы видите? Там роботы?

Он в ужасе понял, что в случае нападения роботов-убийц он, сидя в своём углу, сможет выбраться из вездехода только самым последним, и рванулся к выходу:

- Нужно покинуть вездеход, они будут осматривать технику в поисках людей!

- Команды покидать машину не было... – неуверенно заявил ближайший к нему доброволец, не двигаясь с места и тем самым не позволяя пройти дальше. – Мы должны ждать указаний от Варяга или Хама...

- А если они уже мертвы?! – воскликнул Овечкин, но рычание Порфирьева в эфире заставило его умолкнуть.

- Роботы просили передать, что убьют Овечкина в другой раз! – злобно протрещал помехами капитан. – Кто там ближе к Овену, сообщите ему и проследите, чтобы не ломился наружу. Потому что искать его у нас не будет времени, тридцать пять минут до интоксикации!

- Мы слышали крик! – поспешил оправдаться Антон, недовольно скользя взглядом по ухмыляющимся грузчикам. – Это мог быть сигнал об опасности!

- Это был сигнал о том, что Хам нашел вход в КП-дублер, - прорычал Порфирьев. – Хам, ты там как, живой?

В ответ раздалось шипение помех, в котором Овечкин не смог разобрать ни слова. Но, похоже, Порфирьев находился гораздо ближе к лейтенанту и слышал его достаточно хорошо, потому что в эфире начался интенсивный радиообмен между военными. Из которого Антон понял, что Хам провалился в какой-то заснеженный пролом, который и оказался входом в искомый бункер. Благодаря штурмовому комплекту лейтенант не пострадал, отделавшись легким испугом, и теперь военные не то пытаются вытащить его оттуда, не то собрались спускаться к нему сами. Вскоре в иллюминаторах появились световые пятна приближающихся из пыльной тьмы фонарей, и водительская дверь вездехода неожиданно распахнулась.

- Внимание водителям! – расплывающийся в полумраке здоровенный силуэт капитана плюхнулся на сиденье. – Колонне начать движение малым ходом! Делай, как я! Сближаемся с проломом и заякориваем технику рядом! Базу будем разбивать внутри!

- Здесь же запредельный радиационный фон! – опешил Овечкин.

- Под землей он ниже, - прорычал Варяг. – И ураганов нет. Овен, на тебе заякоривание! Бери грузчиков и занимайся! И чтобы не так, как в прошлый раз! Если растяжку опять сорвет, сам побежишь спасать технику!

Чтобы не оказаться каким-нибудь очистителем биотуалета, Антон предпочел стерпеть оскорбление молча. Можно подумать, он специально закрепил якорь так,

чтобы его вырвало ураганом! Откуда ему знать, насколько прочен тот или иной засыпанный радиоактивным мусором обломок в сравнении с силой стихии?! Тот якорь вообще не он закреплял! А у базы, если что, тоже растяжку оборвало! Базу, вообще-то, военные ставили! Они тоже облажались, но об этом асоциальный брутальщик предпочел не вспоминать!

Колонна проползла с десятков метров, и все полезли наружу. Радиационный фон вновь зашкалил, и Антон невольно сжался. Привычные три девятки дозиметра сейчас горели воистину зловеще. Сколько здесь на самом деле? Две тысячи? Три? Четыре? Нет, так много быть не может, Порфирьев бы уже умер, его спецназовский фотохромный комбинезон такую радиацию не удержит. Но в любом случае его снаряжение надежнее старого скафандра МЧС, поэтому капитан-мизантроп может спокойно разгуливать там, где Антон будет подвергаться смертельной опасности!

- Пролом освещен ходовым прожектором вездехода! – Сообщил в эфире Порфирьев. – Всем быть внимательными, в световое пятно без команды не заходить! Там высоко, без экзокорсета падать будет больно!

Двое солдат схватили ящик с базой и потащили его к зияющему в свете прожектора свежему провалу в черном снегу, вокруг которого возились остальные военные. Вездеход уже сдул воздушную подушку и улегся на снег, и они крепили к нему трос, видимо, по нему планировалось спускаться в разлом. Антон, бережно прижимая к груди руку с поломанными пальцами, поспешил руководить закреплением техники. Чем быстрее он сделает это, тем быстрее спустится вниз. Раз там меньше радиации, то он не против такого решения. Лишь бы ничего не обрушилось им на головы, когда все будут там, под землей.

Передвигаться по окружающей пролом местности оказалось еще тяжелее, чем обычно. Обломки разможенного ядерной мясорубкой леса залегали под снежной толщей беспорядочным месивом, и если бы не черная землисто-зольная смесь, по привычке именуемая снегом, ходить здесь было бы вообще невозможно. Снег забил пустоты, которых в свалке обломков было полно, и глубоких провалов удалось избежать. Но под метровым слоем снега ничего не увидишь, и ноги постоянно запинаясь обо что-то, застревали между обломков или соскальзывали с неровной поверхности заледеневшего обугленного хлама. Люди медленно брели по пояс в черной снежной толще, с трудом пробивая дорогу, и часто падали, исчезая из вида в кромешной тьме.

Через двадцать минут была закреплена только половина растяжек, и Антон едва переставлял ноги от усталости. Сломанные пальцы сильно замерзли и невыносимо ныли, отдаваясь болью на каждое движение, а тут еще один из грузчиков в момент очередного падения вывихнул ногу и едва не потерялся в темноте, утонув в черном снегу лицом вниз. Порфирьев отыскал его по сигналу аварийного маячка, оттащил к пролому и спустил вниз, привязав к тросу, словно мешок с тряпьем. После этого капитан-мизантроп также униженно спустил вниз Овечкина, пожаловавшегося на переохлаждение и боль в сломанных пальцах.

Внизу Антона подхватили солдаты, освободили от троса и отправили в только что установленную спецпалатку. Сами они полезли наверх, помогать заякоривать технику, и Овечкин поковылял к базе, освещая царящий вокруг кромешный мрак нашлемным

фонарём. Больше всего окружающее пространство походило на подземный паркинг, только пустой и небольшой. Помещение было бетонным, с несколькими опорными колоннами, сильно засыпанное снегом и густо покрытое трещинами зловещих размеров. Пролом оказался в самом центре помещения, но как оно не сложилось целиком, для Антона было загадкой.

Судя по тому, что он видит, для полного обрушения не хватило нагрузки в какую-нибудь пару-другую тонн. Не приходилось сомневаться, что до сих пор потолок не рухнул исключительно благодаря образовавшейся на поверхности свалке. Обломки настолько плотно сцепились друг с другом, что не просто лежат на потрескавшейся крыше, но еще и частично удерживают друг друга. Не будь этого, тут всё давно уже рухнуло бы под тяжестью снега и всего, что под ним находится. Хорошо хоть Порфирьеву хватило ума остановить колонну рядом с проломом так, что техника не оказалась стоящей на крыше. Лишь бы очередной буран не засыпал открывшийся пролом снегом целиком, похоронив здесь всех заживо.

А это не исключено, потому что черного снега вокруг полно. Значит, поначалу его сюда задувало, потом давлением ветра пролом заткнуло какими-то обломками, поверх которых насыпало снега, и образовалась естественная пробка. Когда на нее наступил лейтенант в штурмовом комплекте, она не выдержала его веса и рухнула вниз. Без помощи извне человеку отсюда, скорее всего, не выбраться даже несмотря на довольно большую гору битого бетона, громоздящуюся под проломом. Ее высота метра два, а потолки пятиметровые. Можно попытаться допрыгнуть, но удастся ли ухватиться за что-то надёжное, чтобы выбраться? Порфирьев, похоже, планировал выбираться по тросу, который привязан к стоящему на поверхности вездеходу. Это вариант. Если, конечно, технику наверху не сорвет бураном. Впрочем, если сорвет, то без техники экспедицию ждет неминуемая смерть хоть здесь, хоть на поверхности.

Оглядевшись, Антон обнаружил штатный выход на поверхность. Массивные ворота были распахнуты, видимо, через них и выбиралась наверх хунта Брилёва. В настоящее время вход был забит обломками, обильно пересыпанными черным снегом, и без тяжелой техники использовать его невозможно. Зато непосредственно вход в уничтоженный бункер на вид не пострадал. С первого взгляда Антон принял его за тупик в конце помещения, но при более тщательном осмотре это оказалось объёмной лифтовой платформой, лишённой стен и потолка. Двери, которые должны были закрывать лифт, оказались взломаны, распахнуты и застопорены, наверняка это результаты деятельности спасавшейся военной хунты. Заходить внутрь, на лифтовую платформу, Антон не собирался, не хватало еще рухнуть вместе с ней с высоты в полтора километра. С минуту он осматривал лифт с безопасного расстояния, после чего поспешил внутрь базы.

Спецпалатка была развернута посередине между лифтом и проломом, и несколько удерживающих базу растяжек были забиты прямо в нагромождение рухнувших сверху обломков. Остальные растяжки были наспех закреплены за что попало и не вызывали никакого доверия, но ураганов тут не будет, так что надёжность установки базы Антон счел достаточной. Внутри спецпалатки обнаружился лейтенант, запускающий фильтровентиляционную установку, и пленный, неподвижно лежащий в углу без

сознания. Овечкин поспешил к только что включенной печке и поинтересовался, опасно ли кивая Хаму на захваченного ФСБ-шника:

- Этот человек не нападет на нас во время интоксикации? Кто-нибудь знает, когда он очнется?

- Спецукол для взятия языка вырубает часа на три-четыре, вроде... – лейтенант покосился на пленного. – Я не разведчик, тонкостей не помню. По идее, он должен очнуться до того, как Варяга скрючит. Но это неважно. Привяжем его к экзокорсету, даже пошевелиться не сможет. А там Варяг оклемается и разберется по ситуации.

- В связанном состоянии он не погибнет во время интоксикации? – усомнился Антон. – Он может, например, захлебнуться рвотными массами!

- Положим на бок, - отмахнулся лейтенант, не отвлекаясь от возни с фильтровентиляционной установкой. – Шлем с него снимем... Черт! Корпус блока фильтров повело от удара! По нему прилетело бортом грузовика на прошлой стоянке, когда он чуть палатку не снёс! Надо выпрямить, а то не запустится! Антон, поддержи, а я надавлю!

Лейтенант извлек бобину фильтрационного блока и уложил на пол. Пока Овечкин удерживал неудобную искривленную конструкцию в лежачем положении, Хам при помощи усилителей конечностей наскоро выровнял замятые направляющие и вновь попытался вставить блок на место. Раздался характерный щелчок, и лейтенант довольным тоном констатировал:

- Во! Другое дело! Сейчас заработает! Врубаю!

Фильтровентиляционная установка запустилась, и Антон вслушался в знакомый гул. На слух всё работает как положено, даже воеет не так сильно, потому что фильтр вычистили перед экспедицией, и забиться радиоактивной пылью он еще не успел. На следующей стоянке к фильтровентиляционной установке уже будет лучше близко не подходить. Блок фильтров закрыт усиленной антирадиационной защитой, но всё равно фонит, когда сильно забит.

За гулом системы фильтрации Овечкин не сразу услышал посторонний шум, и резкое движение лейтенанта, развернувшегося в сторону входа, заставило его испуганно отпрянуть. Хам рванулся к пленному, на ходу выхватывая пистолет, и Антон бросился за контейнер из-под спецпалатки.

- Лежать! – Лейтенант сходу сшиб вскакивающего на ноги пленного.

Облаченный в противорадиационный скафандр человек не смог удержать таран закованного в штурмовой комплект бойца и отлетел в сторону, врезаясь в освинцованную резину палаточного борта. Двухсоткилограммовая палатка слабо дрогнула, но скафандр уберег пленного от получения существенного урона, и он немедленно попытался вскочить вновь.

- Лежать, я сказал! – Хам ударом ноги опрокинул его навзничь.

Пленный пытался сопротивляться даже лёжа на полу, и насколько Антон мог понять, делал это довольно профессионально, но противостоять лейтенанту не сумел. Хам, судя по действиям, был обучен не хуже, что неудивительно, раз он из охраны секретного правительственного города. Но главное его преимущество было в наличии усилителей конечностей, это Овечкин понял сразу, и никакие рукопашные изыски тут не помогут. Дайте Антону штурмовой комплект, и при наличии минимальной

практики его использования он тоже без проблем обуздает любого буйного индивида. Но пленный, как и положено военному, задумываться над очевидным не планировал, и продолжал тщетное сопротивление. И успокоился лишь после того, как Хам очередным приёмом обездвижил его и вдавил ему в бедро пистолетный ствол:

- Еще раз дернешься – прострелю ногу! – лейтенант щелкнул то ли курком, то ли предохранителем, этого Антон не понял, да и не важно. – Лицом вниз! Руки за голову! А теперь замер и лежишь!

Пленный подчинился, и Хам отшагнул от него, держа на прицеле.

- Варяг – Хаму! – вышел в эфир лейтенант. – Пленный очнулся! Пытался сбежать!

- Сбежать? – ответ Порфирьева прозвучал без помех, и спустя секунду входной полог распахнулся, впуская внутрь спецпалатки здоровенный расплывчатый силуэт. – Когда у тебя начинается интоксикация, боец?

- Через двадцать минут, - хрипло буркнул пленный.

- И куда же ты собрался? – лениво удивился Порфирьев, проходя мимо.

- Это ты меня принял? – вместо ответа поинтересовался тот, поворачивая голову в сторону капитана и пытаясь нащупать взглядом сливающийся с полумраком фотохромный комбинезон.

- Я, - безразлично подтвердил асоциальный брутал. – Нечего спать на посту.

Пленник промолчал, и Порфирьев принялся открывать баллон с питьевой водой. В палатку один за другим входили измученные грузчики, следом появились солдаты в штурмовых комплектах, и Хам убрал пистолет.

- Как ты развязался? – лейтенант направился к пленному, по пути подбирая валяющиеся на полу путы. – Веревка разрезана!

- У него режущая кромка нанесена на запястье скафандра, - Порфирьев распахнул лицевой щиток боевого шлема и принялся пить.

- Черт! – ругнулся Хам, склоняясь над пленным. – И точно! ФСБ-шная модификация! Это я облажался, не заметил! Надо было стальным тросиком связывать! – Он обернулся к капитану: - Стальные тросы остались в машинах... Может, локти ему связать?

Амбал, не отрываясь от баллона с водой и не глядя на пленного, лишь коротко кивнул, и лейтенант принялся связывать пленного заново.

- Можете не связывать, - угрюмо заявил пленный. – Не убегу! Я не знаю, где мы, и меня через двадцать минут скрутит!

- Остальных скрутит через пять, - мстительно парировал Хам, орудуя грязной разлохмаченной верёвкой. – Что же тогда дергался с самого начала?! Лежал бы тихо! Нам сюрпризы не нужны!

Но пленный не обратил на его слова внимания. Он вновь повернул голову, всматриваясь в закупоривающего баллон Порфирьева, и спросил:

- Ты Порфирьев Олег Олегович? Радиопозывной «Варяг»?

- Нет, - невозмутимо ответил капитан-мизантроп. – Понятия не имею, кто это.

- Я смотрел, как ты стал чемпионом в две тысячи сто восьмом, - пленный прокашлялся, избавляясь от хрипоты. – У меня там друг соревновался, привозил записи поглядеть. Сам он вылетел в одной восьмой, не прошел Абрека. Зато ты круто его в финале сделал. У него не было шансов.

- Шансы есть всегда, - Порфирьев флегматично пожал плечами и еще раз кивнул вопросительно глядящему на него лейтенанту: - Связывай! Потом развяжу, когда его интоксикацией скрючит.

Пленный умолк, и Антон поспешил к санузелу, чтобы успеть прежде, чем образуется очередь, но опоздал. Возле ширмы уже стояли двое солдат и не приходилось сомневаться, что все остальные влезут в очередь вперед Овечкина. Потому что у него интоксикация начинается позже. Пришлось терпеть и сначала пропустить вперед всех представителей военной хунты, а потом еще и половину грузчиков, потому что им до интоксикации оставалось еще меньше. От боли в мочевом пузыре Овечкин с трудом сдерживал негодование. Вот только грузчиков ему не хватало! Осталось пропустить вперед себя пленного, он ведь тоже силовик, хоть и не военный! Спасибо, что у пленного интоксикация начинается позже всех, не то именно так бы и было!

Тем более, что он оказался знаком с Порфирьевым. По крайней мере, в одностороннем порядке. Это что, некая ирония судьбы?! Все выжившие силовики должны обязательно знать, кто такой Порфирьев? Он что, такая выдающаяся личность в среде дуболомов? Видимо, так и есть, потому что в интеллектуальной среде все хэдлайнеры были Антону хорошо известны, и никто из нынешней грязи, пролезшей в князи на волне насилия и кровавого беззакония, к ним никогда не относился!

Наконец очередь в санузел всё-таки дошла до Овечкина, и ему стало легче. Раздражение начало стихать, потом интоксикация начала косить людей одного за другим, и стало не до того. Порфирьев, как обычно, таскал его за собой от одного корчащегося в рвотных судорогах человека к другому, и пока амбал оттаскивал бьющихся в конвульсиях людей друг от друга и снимал гермошлемы с тех, кто не успел этого сделать, Антон собирал разбросанное по палатке снаряжение. Потом его самого скрутило приступом острой тошнотной рези, и мир в очередной раз утонул в пучине бесконечной мучительной боли.

Очнулся он от ощущения нестерпимой жажды в полной уверенности, что адаптация к антираду покинула его, и на этот раз жесточайшие мучения терзали его часов двенадцать. Как он не сошел с ума от боли, понять было невозможно, не иначе еще одна злая ирония судьбы... Но хронометр скафандра показывал шесть утра сто одиннадцатых суток, и это означало, что адаптация действовала, и страдал он три с половиной часа, как и должно быть. Антон пошевелился, пытаясь подняться, и к жжению жажды присоединилась боль в полумертвых пальцах. Он слабо вскрикнул, запоздало переставая налегать на травмированную руку, и понял, что гермошлем уже надет на голову. Судя по неприятному ощущению в шее, Порфирьев ставил ему укрепляющую капельницу от Снегирёвой. Но от першения в легких она не спасала, и Овечкин сухо закашлялся.

- Оклемаюсь? – рычание амбала раздалось откуда-то из противоположного угла, и Антон заметил расплывчатый силуэт возле корчащегося в муках пленного. – Аккуратнее с рукой, надо переналожить шину, ты сильно бился в конвульсиях, даже перчатку сбросил. Пришлось наспех натягивать. Засыпь химию для обеззараживания в четыре баллона, я потом сам их встряхну.

- Почему так больно... – Антон, стона, побрел к приготовленным баллонам с водой. – У меня же адаптация... должно быть легче...

- Тебе и легче, - прорычал Порфирьев. – Раньше тебя ломало гораздо сильнее.

- Ощущения такие, словно наоборот, - пожаловался Овечкин, пытаясь одной рукой отвинтить крышку у баллона с водой. – Пить хочется ужасно... есть готовая вода?

- Только во флягах, - капитан указал на сложенную возле печки стопку армейских фляг. – Старайся экономить, воды мало, мы рассчитывали, что в обратный путь возьмем воду в Росрезерве, поэтому остался только НЗ.

- Разве нам не хватит? – насторожился Антон, подозревая недоброе. – Мы ведь возвращаемся в Центр, да? Росрезерв захвачен врагами, бункер Брилева мы нашли, нужно возвращаться назад!

- Посмотрим, - Порфирьев принялся протирать мокрой тряпицей лицо судорожно дышащего пленного. – Будет зависеть от того, что он расскажет.

- Но что это может изменить? – тяжелые предчувствия охватывали Овечкина еще сильнее. Порфирьев же не собирается начать войну или спускаться в уничтоженный бункер, ведь так? – Нас мало, воды не хватает, а их много и у них Лазерная Установка! Мы сделали всё, что в наших силах, Олег! Надо возвращаться в Центр и там принимать взвешенное решение в спокойной обстановке!

- Посмотрим, - уклончиво повторил асоциальный брутал, и это испугало Антона не на шутку. – До следующего цикла антирада почти двадцать часов, времени хватает.

Больше Порфирьев ничего не говорил, лишь молча возился со страдающими людьми. Вызывать его на разговор Овечкин не стал, боль в поломанных пальцах и нарастающее першение в легких пугала и утомляла одновременно. Он засыпал в баллоны с водой химические препараты и поковылял в свой угол. Потом Порфирьев начал менять ему повязку и перенакладывать шину, это оказалось больно настолько, что Антон едва не выл от мучений, упрасивая его вколоть какое-нибудь обезболивающее. Но капитан-мизантроп лишь заявлял, что сразу после интоксикации лучше обойтись без фармакологических препаратов, потому что биохимия организма и так нарушена, плюс вода с химическими реагентами, как бы не стало хуже, поэтому придется потерпеть.

Скорее всего асоциальному бруталу просто доставляло удовольствие мучить Антона, но выхода не было и приходилось страдать и терпеть. Потом, когда экспедиция вернется в Центр, он обязательно выяснит этот вопрос у Снегирёвой. И попросит ее освободить его от экспедиций хотя бы на время лечения руки. Сильно это его не спасёт, биорегенерация полностью излечивает мелкие переломы за несколько сеансов, через две недели он будет здоров, но хотя бы так! Если военная хунта бросится воевать с ФСБ-шниками немедленно, у него есть шанс не попасть в эту мясорубку по состоянию здоровья!

К тому времени, когда Порфирьев закончил с повязкой, Антон взмок от перенапряжения и воспринял окончание перевязки как благодать божию. Едва капитан-мизантроп оставил его в покое, изможденная психика Овечкина мгновенно провалилась в сон.

Проснулся Антон от запаха разогретых мясных консервов и вызванного им голода. Оказалось, что он проспал больше двенадцати часов, за это время интоксикация

закончилась у всех, включая пленного, люди проснулись, и Порфирьев приказал провести приём пищи.

- Антон, держи! – Хам по традиции протянул Овечкину обеденную порцию самому первому. – Ты как себя чувствуешь? Сегодня ты спал очень долго.

- В легких першит всё сильнее, - пожаловался Антон, - и поломанные пальцы ноют.

Для большей наглядности он забрал протянутую пищу одной рукой подчеркнуто неуклюже. Пусть все видят, что здоровью Инженера угрожает опасность. Может, хоть тогда у кого-нибудь из вооруженных буратин в деревянной голове возникнет мысль, что пора бы прекратить рисковать уникальным специалистом.

- Ничего, вернемся домой, док поставит тебя на ноги, - успокоил его лейтенант.

Иного от вояки Антон услышать и не ожидал, поэтому лишь кивнул в ответ и принялся за еду. Остальные последовали его примеру, и Хам выдал пищу пленному. Тот сидел отдельно от всех на видном месте, там же, куда Порфирьев оттащил его во время интоксикации, и выглядел совсем не бодро. Было нетрудно заметить, что интоксикация даётся ему тяжело, значит, никакой адаптации к антираду у него нет. Более того, если не принимать во внимание армейский противорадиационный скафандр, вид у пленного был удручающий: рыжая неуклюже подстриженная всклокоченная борода и такая же шевелюра отдавали сальным блеском давно немых волос, на лице размазанные пятна грязи, карие глаза смотрели замученно-угрюмым взглядом, из-за чего казались почти черными. Пленный тихо пробурчал «спасибо», взял консервы и принялся есть.

- Что мы планируем делать теперь? – кто-то из грузчиков задал интересующий всех вопрос. – Командный Пункт Брилева найден, на склады не попасть...

Все вопросительно посмотрели на Порфирьева, и тот, покосившись на пленного, флегматично прорычал:

- По поводу складов мы после обеда побеседуем с нашим гостем. А насчет КП... по уму стоило бы спуститься внутрь, раз уж мы здесь, и посмотреть, может, там уцелело что-нибудь полезное.

- Это опасно! – немедленно заявил Антон, заранее готовившийся к подобному повороту событий. – Лифтовая шахта наверняка повреждена постоянными землетрясениями! Она может рухнуть вместе с нами с высоты в полтора километра!

Все мгновенно насторожились, даже военные, и вновь перевели взгляды на амбала. Но тот лишь безразлично пожал плечами:

- Для начала запустим лифт вхолостую. Затащим на платформу несколько обломков потяжелее, пусть спустится и поднимется без нас, а мы посмотрим. Если ничего не рухнет, то следующим рейсом спустим вниз досмотровую подгруппу.

- Там, внизу, эпицентр термоядерного взрыва! – не сдавался Антон. – Там смертельно опасно! У нас даже нет необходимой защиты! Мы в скафандрах МЧС, они не рассчитаны на такое! И твоё снаряжение, Олег, тоже не предназначено для противодействия радиации такой силы, ты же знаешь! Недаром команда Брилёва поспешила убраться оттуда как можно скорее!

- Если бы эпицентр был прямо там, никто из отряда Брилёва бы не выжил, - лениво парировал Порфирьев. – Возвращаться сюда всё равно придется. Нужно хотя бы выяснить, с чем придется столкнуться. Даже просто замерить радиационный фон и

степень химического отравления уже будет огромным подспорьем. Будем знать, к чему готовить следующую экспедицию. Проведем короткую разведку силами тех, кто в нормальных скафандрах, это не займет много времени.

- А если что-то пойдет не так, и они застрянут на глубине в полтора километра? – уточнил Антон. – Я осмотрел помещение, в котором мы находимся, здесь нет никаких механизмов, только пульт управления лифтом. Вся механика находится внизу, так что если лифт сломается или застрянет, мы ничем не сможем им помочь!

- Значит, Инженер и техники будут в составе досмотровой группы, - Порфирьеву было плевать на разумные доводы. – Они не полезут в КП и останутся возле лифта, заниматься подъёмными механизмами.

- Но лифт может застрять вместе со всеми где-нибудь посередине шахты! – Слова капитана привели Антона в ужас. – Что тогда?!

- Тогда ты спрыгнешь вниз и всё починишь, - асоциальный брутал не скрывал иронии. – А мы потом за тобой спустимся. Заканчивай ныть раньше времени. Тебя послушать, так проще сразу умереть, сложа лапки на груди. Ты у нас Инженер, вот и думай, как сделать! А как не сделать – тут генераторов идей и без тебя хватает. Весь Центр забит бесполезными дармоедами. Поэтому они там, а мы здесь. – К иронии в его голосе добавилась насмешка: - Ты выживать планируешь или как?

Естественно все вокруг уставились на Антона укоризненными взглядами, еще бы! Порфирьев же сказал, что всё будет хорошо, значит, вопрос решён! Он же у нас супермен и запросто способен заставить двигаться застрявший лифт силой собственного самомнения!

- Я лишь описываю варианты! – Антон поспешил оправдаться в глазах безмозглой общественности. – Мы должны четко понимать, на что идём! Если с нами что-нибудь случится, то из Центра нам на помощь никто не придет! Они даже не смогут нас найти, раз дали неточные координаты входа в собственный бункер! Мы искали его больше часа!

- Координаты они дали точные, - невозмутимо возразил Порфирьев. – Это у меня карта привязана к местности с погрешностью. Я при тебе ее привязывал, на глаз, по трём точкам: метро «Смоленская», Национальный Центр Управления обороной и бомбоубежище, в котором все прикинулись вакуумом. В первом случае контрольная точка была стопроцентно верной, в третьем погрешность составляла несколько метров, а во втором – несколько десятков метров. До Росрезерва мы дошли уверенно, там было недалеко, а вот на удалении в пятьсот километров от Москвы до «Подземстроя» эта погрешность дала немаленькое отклонение. У группы Миронова карта была привязана точнее, они с самого начала имели идеальные координаты двух точек и очень точные координаты третьей. Поэтому моя карта совпадает с их картой не полностью.

- Так почему же мы тогда не используем их карту? – Антон задал более чем резонный вопрос. – Если она точнее?

- Почему же, - Порфирьев был по-прежнему невозмутим, - все пользуются их картой, включая фиксирующие путь системы нашего транспорта. Моя карта есть только у меня, и я иду по ней, когда веду вездеход.

- Но к чему такие сложности? – не отступал Антон. Раз мега-мозги Миронова вновь оказались непогрешимыми, то он хотя бы развенчает миф о непогрешимости Порфирьева. – Почему ты используешь неточную карту?

- Мне так удобнее, - без обиняков заявил капитан-мизантроп. – Потому что у меня маршрут от Росрезерва до Центра был проложен еще до того, как мы его нашли. И, если ты помнишь, после того он был дважды уточнен еще до того, как нас туда впустили. И после этого, в последующих экспедициях, обычно я вел головную машину. Чем больше скорость, тем меньше времени на поверхности и больше шансов выжить. Но при этом больше шансов врезаться во что-нибудь в этой пыли и темноте. Поэтому я иду по своему курсу, который уже много раз уточнен и проложен в обход пробок, а также торчащих в черной ночи из-под черного снега черных препятствий.

- Но ты мог бы переложить его на общую карту! – Антон демонстративно непонимающе нахмурил брови. – Для Инженеров это не сложно! Дай им данные! Они совместят твою карту с правильной!

- Зачем? – Порфирьев передразнил Овечкина, копируя демонстративно непонимающее нахмуривание бровей. – К чему такие сложности, если во всех наших машинах загружена их карта, и гирокомпас фиксирует маршрут в реальном времени? Я иду по своему курсу по своей карте, она выведена у меня на лицевой щиток, так удобнее действовать в экстренной ситуации, и менять что-либо смысла нет, только зря увеличивать риск. А бортовое оборудование записывает маршрут на правильные карты. Весь маршрут этой экспедиции уже зафиксирован во всех трех машинах. Любой, кто умеет водить без автопилота, сможет добраться до Центра. Разве что не так быстро, как я, но это дело опыта. Так что все карты уже уточнены, и не надо вскрывать сложное и дорогостоящее спецоборудование.

Он красноречиво постучал пальцем себе по шлему, и все засмеялись, понимая намёк. Пришлось смеяться вместе со всеми, чтобы не оказаться всеобщим врагом еще и для грузчиков. Пусть этот фан-клуб Порфирьева делает, что хочет, лишь бы не угробили его, Овечкина, прежде, чем он найдет способ навсегда отделаться от этих суицидальных экспедиций! Но раз уж всего одна интоксикация ничему не научила этих болванов, то Антон считает своим долгом обратить их внимание на лежащий на поверхности факт:

- Всё, что ты сказал, вполне логично, не спорю, - на всякий случай подстраховался Овечкин. – Но я имел в виду другое: из-за несоответствия карт вам пришлось несколько раз выходить из машин и искать вход в условиях смертельно опасной радиации. Если бы ты вёл нас по правильной карте, этого можно было бы избежать, разве нет?

- Искать всё равно бы пришлось, - покачал головой амбал. – Карта Миронова не идеальна, она точнее моей, но погрешность у нее есть. Без единой системы геопозиционирования и без компасов это неизбежно. Мы добрались сюда по их координатам, я тут никогда не был. Но засыпанную битым лесом и снегом дыру в земле просто так глазами не увидишь. Мы час кружили по узкому пятаку и копошились в снегу в поисках выхода, а в результате нашли не то место, где они выбрались, а дыру в потолке, потому что в нее провалился Хам. Но если ты считаешь,

что справишься с поисками лучше, то я не против: в следующий раз поисками будешь заниматься сам.

- Я такого не говорил! – поспешил заявить Овечкин, мгновенно приходя в ужас. Мизантроп в погонах хочет расквитаться с ним за конструктивную критику путем отправки Антона на смерть! Если кроме Овечкина демократия здесь никому не нужна, то к дьяволу ее! Умирать за свободу слова Антон не собирается. Он вообще не собирается умирать, он должен выжить, он не для того вынес столько страданий, чтобы погибнуть уже после того, как появились все шансы жить! – Просто выразил мнение, и всё! Я услышал твою позицию и нахожу ее логичной! Делай так, как считаешь нужным, у меня нет опыта работ в условиях ядерной зимы, я Инженер, а не спасатель!

- У спасателей такого опыта тоже нет, - хмыкнул пожарный Александр, не скрывая ухмылки. – Ядерной зимы раньше не было. Так что, если подумать, у тебя в этом опыта больше, чем у любого довоенного спасателя.

- Не спорю! – Антон изо всех сил подавил панику. Они все заодно, стоило бы учесть это, прежде чем ввязываться в дискуссию! Обычно в таких случаях Порфирьевские безропотные блондины молчали, но сейчас каждый понимает, что сюда придется возвращаться, и потому ищет способы избежать направления на работы в эпицентре ядерного взрыва! А лучший способ сделать это – отправить вместо себя кого-нибудь другого! Например, того, кто только что оспорил компетентность их незабвенного лидера!

- В общем, все поняли, что я хотел сказать, - Овечкин поспешил перевести разговор в другое русло. – Лучше Олега никто не может делать это! Он имеет командную подготовку! У Инженера другие задачи! Моё дело – высокотехнологичная техника!

- Значит с лифтом ты точно справишься, - невозмутимо заявил Порфирьев. – Ничего высокотехнологичного в нём нет. Раз люди Миронова справились, то и ты сможешь. Ты ведь сам говорил, что ничем не хуже?

- Я имел в виду оборудование связи! – Овечкин внутренне ужаснулся. Они уже всё решили! Его неминуемо отправят вниз, в эпицентр! – Да, устройство лифта гораздо проще, но с одной рукой я мало что могу!

- Не переживай, тебе помогут гайки крутить. Твоя задача показывать, какие именно! – Порфирьев всем своим видом продемонстрировал, что разговор окончен, и продолжил ковырять ложкой в консервной банке.

- Я могу помочь с лифтом, - неожиданно подал голос пленный. – Я инженер-механик. Имею опыт работы с подъёмными механизмами.

Все, не сговариваясь, обернулись в его сторону, и Порфирьев скептически заявил:

- И что ты делал в окопе, инженер-механик?

- Охранял вход, - потупился тот.

- Ах ты еще и вход охранял! – восхитился асоциальный брутал. – Сидя в углу спиной к направлению вероятного появления противника? Если ты инженерись так же, как охраняешь, то мы точно разобьёмся нахрен!

- Я не полевой боец, - хмуро заявил пленный, - я вообще гражданский ВУЗ заканчивал... После универа долго работу не мог найти. Я миксфайтом увлекался, юниорские чемпионаты выигрывал... После одной победы знакомые предложили в

ФСБ послужить, за контору на соревнованиях выступать. Я согласился. Позже меня перевели по специальности, инженером в эвакуационный бункер. Я в мастерских обычно работаю или с механикой возжусь.

- Зачем тогда тебя на ворота поставили? – продолжал издеваться мизантроп.

- У нас одна база на всех, - голос пленного стал еще более унылым. – Поэтому все распределены по сменам, которые несут круглосуточное дежурство. Чтобы места в палатке было больше, когда у очередной смены интоксикация начинается. Иначе давка такая, что людей прямо друг на друге приступом ломает. Штурмовые комплекты заранее снимаем, чтобы не поубивать друг друга. У нас так семь человек погибло в самый первый переход.

- Одна база на целый бункер? – удивился Порфирьев. – В ФСБ такие нормы?

- По нормам было три, - пленный скривился. – Две сгорели во время пожара.

- По вам ударили противобункерным? – предположил Хам.

- Били, вроде, не по нам, - пленный неопределенно поморщился. – А может, просто не попали. Но трясло сильно. Бункер старый, еще в двадцатом веке строился, глубина всего шестьдесят метров. Поначалу он предназначался для высшего командного состава КГБ, потом ФСБ. Но лет сто назад устарел окончательно, и его переделали в эвакуационное убежище для офицеров ФСБ и их семей. Секретное оборудование вывезли, отремонтировали гидроизоляцию, заменили старые узлы вроде гермодверей и переборок, закрывавшихся вручную, установили новые системы жизнеобеспечения. С тех пор иногда проводили мелкий ремонт и меняли морально устаревающую технику. Ничего суперсекретного у нас не было, и задачи самые простые: в случае войны разместить тех, кто к нам приписан, то есть слушателей и персонал нового спутника академии ФСБ. По поверхности она от нас далеко, но мы соединены с ней веткой спецметро, состав идет по ней напрямик всего три минуты.

Пленный на секунду умолк, вспоминая минувшие события, и его взгляд стал вялым и удрученным, словно он смотрел куда-то в пустоту, в которой не рассчитывал увидеть ничего хорошего.

- Когда террористы на Шельфе взорвали ядерный фугас, - продолжил он, - бункер перевели на военное положение. Всех вызвали на службу, начались усиленные круглосуточные дежурства и до особого указания покидать бункер было запрещено. Никто тогда не верил в то, что ядерная война возможна, все были недовольны тем, что уик-энд безнадежно испорчен, а те, кого отозвали из отпуска, вообще тихо матерились. У моего начальника из-за этого даже семейный конфликт случился, первое сентября на носу, дочка в первый класс идет, а отец на службу уехал непонятно на сколько, да еще будучи в отпуске. Он говорил, что жена ему не поверила и подозревает, что он укатил с любовницей на море.

Рассказчик тяжело вздохнул и совсем тихо произнес:

- Кто же знал, что мир сгорит через пару суток... – Его голос зазвучал громче, но взгляд так и остался смотреть в пустоту: - В первый день мы, как обычно в таких случаях, проверяли системы жизнеобеспечения, инспектировали хранилища, отправляли начальству ворох всевозможных отчетов. А оно, в свою очередь, составляло из них кучу разных докладов и отправляло дальше наверх. Потом, тоже как обычно, все отчитались, и всё успокоилось. Личный состав сидел в бункере с кислыми

лицами и ждал, когда политическая возня с Шельфом утихнет, и нам дадут отбой. Некоторым самым хитрым даже удалось по-тихому договориться с начальством и негласно свалить со службы, чтобы на выходных позаниматься сбором детей в школу. Мой начальник тоже свалил в субботу утром, оставив меня за старшего в инженерном отделе. Я тогда ему позавидовал...

Он вяло усмехнулся, и усмешка медленно сползла с его лица, глядящего в никуда:

- Даже когда пришло сообщение об обмене ядерными ударами между флотами на Шельфе, никто не ожидал апокалипсиса. Комендант бункера бросился обзванивать всех, кто отпросился, опасаясь, что нагрянет проверка. Старожилы говорили, что когда произошел ядерный конфликт между Индией и Пакистаном, бункер месяц держали на военном положении, и проверяющие появлялись через день...

Кто-то даже успел вернуться на службу, но не все. Начальнику моему не повезло. Через несколько минут выяснилось, что ядерными ударами накрыло Пекин и почти все столицы союзников, и они ответили. Почти сразу натовцы произвели массированные пуски, союзники ударили всем, что есть, потом подключились мы... По крайней мере, потом так говорили. Как было на самом деле, у нас вряд ли кто-то знает наверняка. Командование объявило эвакуацию, и эвакуационные команды помчались по адресам. Где-то там почти все они и остались, в пробках и давках. Вовремя эвакуировали только приписанный к нам сателлит академии ФСБ. Но всё произошло двадцать девятого августа, занятий в это время еще не проводилось, к тому же была суббота, в академии было минимум народа. Нам привезли около сотни курсантов вместе с дежурными офицерами и часть батальона обеспечения, всего человек двести. Потом пришла первая волна ракет.

Пленный болезненно поморщился, распахнул лицевой щиток и потер глаза. Его чумазая рука осторожно касалась закрытых век, и стало заметно следы от ожога. Ожог не был свежим, но явно произошел не так давно, потому что сторевшая часть бровей только начала отрастать и сильно уступала в размерах не пострадавшей.

- Я сидел за рабочим пультом главного инженера и видел, как всё начиналось. У нас было видео с нескольких десятков камер, расположенных в окрестных кварталах, и доступ к камерам на нескольких высотках. Некоторые из них были последнего поколения и перегорели не сразу. Было видно, что ПВО перехватило первую волну почти полностью. Небо на подступах к Москве сверкало, словно во время далекого салюта, я даже видел несколько перехватчиков...

На моих глазах по городу ударило дважды, оба раза далеко от нас. Из установленных на высотках камер световую вспышку пережила примерно половина, а вот взрывную волну только две. И они показывали, как воздушный таран разносит город вдребезги... Разрешение там хорошее, было видно, как текущий по улицам людской поток сметает с земли вместе с застывшими в бесконечной пробке машинами, и всё это вбивает в стены разлетающихся домов... Потом всё захлестнуло пылью, а когда она осела, камер на высотках уже не существовало. Две уцелевшие размещались на стенах домов, выходящих в переулки, и показывали картину сильного разрушения. Где-то разгорался пожар, всюду обломки всего подряд, искореженные перевернутые машины... и трупы. Много трупов. Я не сразу понял, что это. Тела были сильно испачканы и поломаны, многие обожжены до состояния головешек, почти у

всех не хватало рук или ног... Но вскоре выяснилось, что погибли не все. Кто-то выползал из разбитых домов, видимо, плохо соображали от облучения, другие, наоборот, появлялись откуда-то с улицы и стремились укрыться в полуразрушенных зданиях. Наверное, люди надеялись, что на этом всё закончится...

Почти все эвакуационные команды не отвечали на вызовы, и стало ясно, что они не вернуться. Спаслись успели только три группы, им повезло спуститься в спецметро до ударов. Мы доложили командованию о потере связи с эвакуационными командами и о том, что бункер заполнен на пятьдесят процентов. К нам начали эвакуировать персонал спецметро и всех подряд, кого еще было можно. Потом пришла вторая волна ракет, и я видел, как на горизонте десятки ослепительных вспышек сменяются ядерными грибами. В какой-то момент взорвалось прямо над камерами, экраны засветило и изображение пропало. Больше я ничего не видел.

Бункер принимал людей еще минут двадцать, потом сообщили, что метро частично обрушилось, и все, кто мог до нас добраться, уже здесь. Телеметрия, расположенная у входа на поверхности, частично не отвечала на запросы, частично сообщала об обрушении и завале. Мы закрыли подземный вход, но продолжали следить за тоннелем спецметро, вдруг кто-нибудь появится... Больше никто не пришёл. Зато пришла третья волна, и я думал, что нам конец. Бункер трясло постоянно, системы каждые пять минут переходили в аварийный режим, автоматика фиксировала смещение почвы, врубала сигналы тревоги и выключала оборудование, основное освещение вырубилось и включилось аварийное, тоннель спецметро сложился, словно бумажный, выходящую в него стальную стену с входным люком повело, сам люк деформировало и заклинило намертво. Впрочем, это уже ничего не значило, тоннель завалило, выходить некуда.

Конец ознакомительного фрагмента. Вся информация о том где можно купить книгу представлена на сайте www.tarmashev.com